Оправдай историю, и история оправдает тебя

Рец. на: Хелльбек, Й. (2017). *Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи.* М.: НЛО.

Яна Денисовна Окландер[1]

✉ yaoklander@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9770-4332

[1]Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Окландер, Я. Д. (2019). Оправдай историю, и история оправдает тебя. Рец. на: Хелльбек, Й. (2017). Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: НЛО. *Фольклор и антропология города, II*(1–2), 428–433.

Vindicate the history, and the history will vindicate you

A review of: Hellbeck, J. (2017). *Revolution on my mind: Writing a diary under Stalin.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Yana D. Oklander[1]

✉ yaoklander@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9770-4332

[1]Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

To cite this article:
Oklander, Y. (2019). Vindicate the history, and the history will vindicate you. A review of: Hellbeck, J. (2017). Revolution on my mind: Writing a diary under Stalin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. *Urban Folklore & Anthropology, II*(1–2), 428–433. (In Russian).

Книга немецкого историка Йохена Хелльбека «Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи» вышла в издательстве Гарварда в 2006 году, однако на русском языке с ней стало возможно познакомиться только в 2017, когда она была опубликована в серии «Неприкосновенный запас» издательства «Новое литературное обозрение». Уже название книги несколько интригует российского читателя, для которого сталинский период отделен от революции — казалось бы, эпоха революционного пыла к тридцатым годам уходит в прошлое. Как раз с этим спорит Хелльбек, представляя нашему вниманию документальный материал, отражающий развитие идей революции в индивидуальном сознании.

Автор выбирает объектом изучения создававшиеся в 1930-е годы дневники советских граждан, представителей разных социальных слоев. Почему дневники? Именно в них Хелльбек стремится найти отражение личностного ядра пишущих, которое он противопоставляет их «официальной» саморепрезентации. Дневники, несмотря на анахроничность этого жанра, оставались распространенными в 1930-е, будучи формой самовыражения и способом формирования идентичности. Хелльбек показывает, как в личных дневниках сталинской эпохи преломились идеи революционного преобразования личности, как люди искали себя, стремясь «вписаться в общественно-политический порядок» и реализоваться в качестве субъектов истории (с. 19). Автор ставит цель проанализировать дневники, чтобы понять, как люди вписывали себя «в неопределенную матрицу революционной субъективации» (с. 75), как интерпретировали элементы советской идеологии и старались воплощать их в жизнь.

В своей работе Хелльбек концентрируется, прежде всего, на подробном анализе текстов дневников, минимально привлекая дополнительную литературу. Он упоминает определенный круг исследований в теоретических рассуждениях о субъектности, проблеме аутентичности материала и т. д., но в конце книги вы не найдете списка научной литературы, только перечисление источников. При этом сами источники, на анализе которых построена книга, — предмет для отдельной дискуссии. Проблема, в случае с этими дневниками, состоит в том, что они могли вестись для наблюдателя, для сотрудников НКВД, что это могла быть расчетливая, показная демонстрация борьбы со своими слабостями. Можно ли в таком случае рассматривать текст дневника как достоверное отражение человеческих переживаний? Но Хелльбек считает недоверительное прочтение несправедливым по отношению к авторам дневников и, кроме того, не объясняющим огромное количество документов, в которых помимо идеологических рассуждений зафиксированы и крайне личные переживания, и слабости далеко не всегда оказываются повержены, как должно было бы случиться, не будь дневник искренним. Самовоспитание, признающееся как абсолютная ценность во всех текстах, предстает не положительным результатом, а процессом с его сложностями и сомнениями.

Создание нового, улучшенного человечества было, как напоминает Хелльбек, официально поставленной целью большевистского режима. Фундаментальным качеством нового человека была сознательность, которую автор определяет как «способность видеть законы истории и понимать свои возможности как субъекта исторического действия, который будет участвовать в прокладывании дороги к светлому будущему» (с. 35). Таким образом, история и личность взаимодействуют, и в некоторых случаях (Хелльбек приводит в пример писателя Дмитрия Фурманова) дневник заводится с целью отслеживать это взаимодействие. На государственном уровне сознательность пропагандировалась посредством образования, прививания навыков чтения и письма и введения практик самопредставления в устном и письменном виде.

Именно это служит причиной появления жанра автобиографии, который выводит на передний план характер коммуниста и его развивающееся революционное сознание. «Автобиография коммуниста в 1920-е годы была актом самовыражения в форме самоотречения», — пишет Хелльбек. Другой популярный инструмент самопрезентации в эту эпоху — воспоминания об Октябрьской революции. И, наконец, нельзя не отметить жанр биографии героических личностей: в нем отражаются представления советских авторов об эталоне революционной личности и «нового» человека. Биографии шахтеров-ударников, доярок, полярных летчиков множатся в 1930-е.

К середине 1930-х в коммунистической идеологии происходит переход от идеи воспитания «широких масс» к формированию правильного индивидуального сознания. Хелльбек считает этот переход причиной обращения советских революционеров к собственному «Я». Внимание к частному он видит не только в сталинском неоромантизме, обращении к личности героев, но и в репрессиях с их индивидуализирующим импульсом: репрессии подразумевают личную ответственность человека за свои проступки, что противоречит марксистской идее влияния среды.

Хелльбек сравнивает большевистский проект изменения человеческого Я с церковной Реформацией XVI века, которая тоже привела «к распространению дневников как учетных книг преобразованных христианских душ» (с. 57). Он описывает историю дневникового жанра в ранние советские годы: использование дневника в целях политического воспитания в период Гражданской войны; обращение к ним «педологов», выявляющих влияние среды на психофизическое развитие личности; ведение дневника как школьное задание; создание производственных дневников. Дневник воспринимается коммунистами как отражение реальности — людей призывают «писать правду» — и как средство поддержания социалистической направленности государства. Однако ведение дневника казалось многим советским идеологам занятием противоречивым, отрывающим от революционного, общественного дела чрезмерным вниманием к личности. Хелльбек интерпретирует такую позицию следующим образом: «Будучи средством чистого самоанализа, дневник чреват отрывом мысли от действия, души от тела, а личности — от коллектива» (с. 70).

Но в 1930-е отношение к дневникам меняется, и вместо педологов основными их толкователями становятся сотрудники НКВД. Они тоже позиционировали дневниковые записи как отражение правды об их авторе, однако относительно тех, кто был избран врагами-контрреволюционерами, эти записи воспринимались как «правда наоборот» — доказательство умелой маскировки автора, который даже перед самим собой притворяется коммунистом. Дневник использовался и как доказательство «внутреннего вырождения» тех, кто был неугоден, хотя причиной вырождения никто не считал сам факт ведения дневника, лишь фиксировавшего личностные изменения своего автора. С позиции сотрудника НКВД дневниковая запись была одновременно

правдой и вымыслом, инструментом революционера и атрибутом врага, в зависимости от того, какая версия была удобна сотруднику: в этом Хелльбек тоже видит отражение противоречивого отношения коммунистов к дневнику.

Далее Хелльбек переходит к дневникам как способу работы их авторов над собой. Годы после революции воспринимались людьми как необыкновенное время, и авторы представляли свой дневник исторической хроникой, а себя — субъектами истории. Для этого необходимо было трудиться, чтобы соответствовать времени. Хелльбек считает дневники одновременно свидетельством и средством осуществления этого процесса. Он описывает работу по самопреобразованию, которое документировали авторы дневников, противопоставляя идеологию и психологию, волю и сердце. Переход к новой советской жизни находил свое отражение в записях людей, которые описывали борьбу со своей буржуазной сущностью, как, например, делал писатель Юрий Олеша в надежде на личностное изменение. Хелльбек описывает, как авторы дневников применяют к построению рассказа о себе приемы главного эстетического направления сталинской эпохи — соцреализма.

Хелльбек спорит с мнением исследователей (имена которых, впрочем, не называет), что самоцензура — это вытеснение истины вследствие боязни раскрыть ее другим. Он считает, что самоцензура в дневниках использовалась с целью сохранения истины о себе. С целью самосохранения авторы дневников молчали не только в разговорах с другими, но и с собой, скрывая «еретические мысли». Свою неспособность подняться на необходимый идейный уровень авторы сравнивают с болезнью, нечистотой. Дневники были средством преодоления кризиса: авторы надеялись, что работа по очищению через дневник поможет им стать лучшими, советскими людьми.

Рационализация в логике Хелльбека отличается от современного понимания термина, связанного с вытеснением правды в пользу рассуждений: исследователь использует термин для обозначения необходимого механизма приведения своих мыслей в соответствие с идеологией. Рационализацию Хелльбек понимает не как слабость, не как защитную реакцию, но как волевое решение и психологическую силу, потому что рациональность в 1930-е годы была общественным идеалом.

Парадоксально, но субъективность сталинской эпохи выражалась в перспективе слияния личности и коллектива. «Стремление быть включенным в революционную вселенную и боязнь быть исключенным из нее» Хелльбек рассматривает на примере четырех историй, четырех дневников. Зинаида Денисьевская доверяла дневнику как любовные, так и экзистенциальные переживания — родом из интеллигентской, образованной семьи, она чувствует разлад между этой частью себя и стремлением к построению из себя «новой женщины» (с. 156). Личные эмоции, отношения с мужчинами она воспринимает «как индивидуалистические импульсы, которые следует отвергнуть» (с. 183). Аресты и чистки, свидетелем которых она была, работая на опытной станции,

тоже тяжело воспринимались Денисьевской, она пыталась примирить неверие в чудовищные поступки своих коллег и знакомых с «коммунистической верой»; желание слиться с коллективом и ощущение близости этого слияния чередуется с одиночеством и страхом быть разоблаченной как мещанка. Эти и многие другие противоречия показывает Хелльбек в подробном анализе дневника Денисьевской.

Еще более подробно он разбирает дневник Степана Подлубного, который, будучи сыном кулака, переехал в Москву и всю жизнь скрывал свое происхождение, выдавая себя за пролетария. В его дневнике сквозит тема недоверия к окружающим — он ощущает себя чужим среди них, обманщиком на «нелегальном» положении, которое он надеялся однажды «легализовать». При этом все свои «еретические», опасные мысли, все сомнения в правильности действий власти он приписывает своему происхождению, своей вражеской сущности. Он пытается сделать из себя другого человека, а в целях самосохранения несколько раз доносит в ГПУ на других. Случай Подлубного выбирается Хелльбеком для анализа еще и потому, что автору удалось познакомиться со своим героем лично. Хелльбек отмечает, как Подлубный впоследствии пытался «отредактировать» свой непосредственный жизненный опыт: в 1980-е он работал над новой версией своего дневника 1930-х, меняя фрагменты, которые ему не нравились, а на встрече с Хелльбеком отрицал наличие у себя в молодости определенных мыслей и переживаний, зафиксированных в дневнике.

Совсем другая история — дневник Леонида Потемкина, в котором отражена сложная, упорная работа над воспитанием в себе сильной личности, над развитием воли и характера. Потемкин заставляет себя читать актуальную литературу, слушать классическую музыку, заниматься физкультурой — всячески «развивать себя», и тем самым встраиваться, как считает Хелльбек, «в генеалогию революционного жизнетворчества, восходившую через Горького и Ницше к русским романтикам» (с. 324). Дневник Потемкина — пример успешного включения личности в советскую историю, воплощения «советской мечты».

И наконец, четвертая история, подробно изученная Хелльбеком — это дневник Александра Афиногенова, известного драматурга сталинской эпохи. Изначально использовавшийся как записная книжка для писательской работы, дневник стал помогать и в самонаблюдении, самоанализе, превращаясь в инструмент самодисциплины. Находят там место и самокритика, и выражения душевного кризиса, связанного с взлетами и падениями, исключением из партии и восстановлением в правах. Хелльбек отмечает у Афиногенова устремленность к смерти, что связывает со стремлением к «историческому» бессмертию, включенности «коммуниста в пантеон истории» (с. 388). Эту же идею героизации личности, вписывания ее в ход истории исследователь находит и в речах других писателей на вечере памяти Афиногенова.

Итак, упомянутые четыре дневника должны подтверждать главную мысль Хелльбека о том, что субъектность сталинской эпохи определяется стремлением быть вписанным в ход истории, чтобы обрести личный голос в борьбе с негативно оцениваемым прошлым и в работе над лучшим будущим: «включение в революционное движение могло быть обусловлено стремлением к самовыражению, а не желанием стереть собственную личность» (с. 394). Но этот вывод — не самоцель автора, а ответ на более важный вопрос о том, как люди рационализировали происходящее вокруг них, как разрешали «противоречия между наблюдаемой ими действительностью и “революционной истиной”, пропагандировавшейся властями» (с. 407). И ответ, по логике Хелльбека, именно во включении настоящего в исторический процесс: понимание настоящего, даже мрачного, репрессивного, тяжелого, как исторической вехи на пути к правильному будущему оправдывало его и делало ценным. Представление о закономерном историческом развитии было важно как для активных участников сталинского режима, так и для его критиков. Основным орудием режима Хелльбек считает чистки, отлучающие личность от коллектива и превращающие личность в «лишнего человека», что реализует главный страх деятелей первой половины XX века, причем не только советских, как считает автор, но и европейских, — быть исключенными из исторического процесса.